

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Мас. 1009₁

Заметки читателя

<...>

III.

154. Вы, несомненно, знакомы съ модной душевной болѣзнью, — символизмомъ или декадансомъ. Недугъ на самомъ дѣлѣ существуетъ, хотя не мало „оригиналовъ“, усвоивающихъ его изъ подражанія. Такихъ мнимо-больныхъ особенно много въ нашемъ отечествѣ, оно искони изобиловало манекенами, готовыми переодѣться въ какой угодно костюмъ, если онъ спитъ по послѣдней картинкѣ. У насъ объявились свои поэты-символисты, несущіе всякій вздоръ — по принципу и изъ честолюбія страдающіе бредомъ на яву. Но „поэтамъ законъ не писанъ“, можетъ сказать всякій жрецъ чистаго искусства. Не одни поэты спѣшатъ примазаться къ символизму. Вѣдь было же время, когда всякій бурбонъ и „патріотъ своего отечества“ лѣзъ въ Мирабо. Отчего же первому встрѣчному болванчику не надѣть на себя парикъ Бодлера? Тѣмъ болѣе, что и хитрости никакой нѣтъ: чѣмъ пошлѣе, циничнѣе будутъ поступки, тѣмъ ближе къ символизму. А кому же не достанетъ искусства на эти „качества“, если за душой нѣтъ ни совѣсти ни уваженія къ человѣческому достоинству! Недавно Максъ Нордау описалъ физическіе и нравственные дефекты современныхъ декадентовъ. Нордау слишкомъ увлекся, — и въ свою клинику душевно-больныхъ помѣстилъ людей завѣдомо здоровыхъ, въ родѣ Золя и гр. Толстого. Но рядомъ съ увлеченіями въ книгѣ не мало правдивыхъ и интересныхъ свѣдѣній. Предлагаются они въ живой, совершенно доступной формѣ. Но все-таки это — разсужденіе, ему авторъ стремится придать даже научный обликъ, онъ поясняетъ свои сообщенія цитатами изъ спеціальныхъ работъ по психіатріи, пускается въ общія раз-

сужденія: живыя краски иногда блѣднѣютъ и стираются отъ ненужной будто бы научной хлопотливости критики.

Теперь русскіе читатели могутъ освободить себя отъ необходимости вчитываться въ научно-публицистическій трактатъ Нордау. Чеховъ изобразилъ моднаго героя такими правдивыми и яркими чертами, что, знай Нордау о рассказѣ русскаго автора — онъ непременно удѣлилъ бы ему мѣсто въ своихъ ссылкахъ.

Адвокатъ Лысевичъ — повѣренный по дѣламъ богатой купчихи, дѣвицы не особенно юной, но совершенно здоровой, цвѣтущей и съ развитыми аппетитами молодости. Но сущность не въ купчихѣ: она только весьма удачно выбранный фонъ для портрета героя.

55. Рассказъ Чехова — *Бабье царство*, напечатанный въ *Русской Мысли*, насколько намъ извѣстно, документъ для характеристики русскаго декаданса. Автору сразу удалось схватить типъ новѣйшаго шута во всѣхъ подробностяхъ, заглянуть въ самую душу его, если только можно говорить о душахъ подобныхъ экземпляровъ.

Почва для символизма у Лысевича создана развратомъ цѣлой жизни. Это единственный пунктъ, гдѣ адвокатъ правдивъ и вѣренъ себѣ до конца. У Лысевича все, всякое желаніе отливается въ сладострастную форму изысканнаго разврата. Онъ любитъ поѣсть не потому, что голоденъ, а потому что различные блюда дѣйствуютъ на его чувственные инстинкты. Ему пріятенъ запахъ цвѣтовъ, потому что въ эту минуту его воображенію рисуется нѣчто совершенно другое, чѣмъ какая-нибудь невинная роза. Развратъ — это единственный смыслъ жизни, даже не приправа жизни, а сама жизнь.

Если физическія силы упадутъ настолько, что обыкновенныя похощенія станутъ больше недоступны, Лысевичъ окажется „ни къ чорту не годенъ“, по его собственной оцѣнкѣ, онъ откроетъ сладострастныя ощущенія тамъ, гдѣ обыкновенному смертному даже предполагать ихъ кажется невѣроятнымъ.

Лысевичъ кладетъ въ ротъ кусокъ семги, и глаза его становятся „масляными и алчными“, рассказываетъ содержаніе романа и ощущаетъ „демоническое сладострастіе“, садится на диванъ — и рисуетъ себѣ и своей собесѣдницѣ новый совершенно особенный способъ — наслаждаться лю-

бовью, не будучи ни мужчиной ни женщиной, а чѣмъ-то „третьяго пола“.

Лысевичъ буквально повторяетъ то самое, что Бодлъръ и его ученики воспѣваютъ въ стихахъ: тѣ же откровенія на счетъ цвѣтовыхъ ощущеній, запаховъ, та же нервная болѣзненная чуткость къ чувственному наслажденію, та же способность — отыскать это наслажденіе едва ли не въ каждомъ явленіи природы, воспринять его посредствомъ вкуса, обонанія. Можно подумать, — написана преднамѣренная иллюстрація на недужныя измышленія французскаго декадента. Но фигура Лысевича исполнена жизненной правды, она остается въ памяти читателя до мельчайшихъ подробностей, остается нѣчто большее, чѣмъ черты, соотвѣтствующія бодлэризму.

Посмотрите, съ какой граціей, милымъ простодушіемъ, неотразимой увѣренностью разглагольствуетъ Лысевичъ. Это „поконченный человѣкъ“. Онъ рѣшительно не понимаетъ, органически не можетъ понять, какъ можно считать шутковствомъ, а при извѣстныхъ условіяхъ, нахальствомъ его откровенія на счетъ вездѣсущаго разврата и постоянный совѣтъ дѣвушкамъ завести семерыхъ мужчинъ. Какъ же можетъ быть иначе, когда даже рюмка водки и матлотъ изъ налимовъ даютъ Лысевичу одинъ и тотъ же вкусъ, тотъ самый, какой его учитель испытывалъ, ощущая запахъ женской груди. „Легкій развратъ есть соусъ жизни“, говоритъ Лысевичъ и выражается характернѣйшимъ языкомъ: онъ могъ бы также сказать: развратъ — лучшій ароматъ жизни, ея самое вкусное блюдо, ея тончайшій и нѣжнѣйшій продуктъ, ея самый свѣтлый лучъ, вообще перебрать всѣ пять чувствъ и заявить, что они всѣ — пути къ чувственной истомѣ. Даже спиритизмъ — нѣчто наркотическое, очевидно сродное тѣмъ настроеніямъ, какія Лысевичъ испытываетъ въ полуосвѣщенной комнатѣ, на мягкомъ диванѣ, недалеко отъ молодого женскаго тѣла.

Это называется „уйти въ свой предметъ“, фанатизироваться имъ, и тогда можно смѣло приступить къ людямъ съ какой угодно проповѣдью.

Убѣжденія — крайне рѣдкая вещь. Всѣ возможно дальше норовятъ уйти отъ „прописей“; вѣрить во что бы то ни было, „чего нельзя въ руки взять“, считается признакомъ

незрѣлости и наивности. И живутъ зрѣлые люди — кое-какъ со дня на день, „воспринимаютъ жизнь“: „ils vivent simplement“, сказала бы героиня Боборыкина, и въ среду такихъ „существователей“ является человѣкъ убѣжденный, — все равно въ чемъ, лишь бы только не въ томъ, что луна дѣлается въ Гамбургѣ. Будьте увѣрены, — если сразу у него не окажется послѣдователей, то его непременно будутъ слушать — покорно и даже съ уваженіемъ. Въ этомъ фактѣ разгадка многихъ, часто невѣроятныхъ увлеченій такъ называемаго общества. Дѣло отнюдь не въ томъ, что субъектъ, завладѣвшій общественнымъ вниманіемъ, умница и талантъ, а только въ томъ, что само общество инертно и совершенно лишено опредѣленныхъ взглядовъ, не говоря уже объ убѣжденіяхъ.

На такой почвѣ подвизается Лысевичъ. Люди, съ искрой самосознанія и истиннаго самоуваженія, немедленно „осадили“ бы самодовольнаго психопата и, можетъ быть, заставили бы его опомниться. во всякомъ случаѣ наложили бы нѣкоторую узду на его шепелявый цинпческій языкъ. Но Лысевичамъ раздолье: посмотрите съ какимъ интересомъ слушаетъ его хозяйка, образованная и совершенно самостоятельная дѣвица, Анна Акимовна. Она платитъ ему ежегодно по 12.000 за веденіе „заводскихъ дѣлъ“, а всѣ эти дѣла заключаются въ двухъ-трехъ мелкихъ взысканіяхъ, и ихъ Лысевичъ поручаетъ своимъ помощникамъ. Но „юрисконсультъ“ такъ занимательно пересказываетъ романы Мопассана, такъ мило паясничаетъ, такъ забавно проповѣдуетъ о развратѣ и цѣлуетъ руки, что, по мнѣнію Анны Акимовны, Лысевичъ стоитъ не двѣнадцати тысячъ, а втрое дороже.

156. И Лысевичъ отлично понимаетъ свою „кlientку“. Онъ все съ той же милой снисходительностью съ разбитыми членами напоминаетъ ей о „наградныхъ“. Анна Акимовна не смѣетъ даже спросить у себя, слѣдуютъ ли, действительно, наградныя „юрисконсульту“ и суетъ ему безъ возраженій первыя поименныя въ руку пачеты тысячъ. Лысевичъ принялъ ихъ „мало и естественно“ и поцѣловалъ Аннѣ Акимовнѣ палецъ.

Обратите вниманіе на общій смыслъ этихъ отношеній. Вы думаете, — на свѣтѣ сдѣлали только Анны Акимовны терпѣть людей, которые себя шутятъ и нахаловъ. терпятъ потому, что

шуты — граціозны и забавны и съ ними какъ-то неловко поступить по заслугамъ? Нѣтъ, это типичное общественное явленіе. Вы можете прослѣдить его на каждомъ шагѣ. Стадная слѣпая злоба такъ называемаго общественнаго мнѣнія искони обрушивалась и обрушивается на благородныхъ людей, менѣе всего склонныхъ потакать эпикурейскимъ инстинктамъ толпы и способствовать пищеваренію сытаго животнаго, какъ это дѣлають Лысевичи. Истинная оригинальность ненавистна большинству, потому что она активная сила и врагъ апатіи и пошлости. Но оригинальность шута, эксцентричность раешника одно изъ самыхъ пріятныхъ блюдъ для отупѣлаго вкуса.

Въ первую минуту можно подумать, что нашъ адвокатъ — оригиналь, достойный вниманія и изученія. Но подойдите ближе и передъ вами окажется клоунъ въ необыкновенно пестромъ костюмѣ, ловко рассчитанномъ на осовѣлые глаза скучающей купецкой дочки. Кто еще, кромѣ клоуна, рѣшится вести разговоръ такого содержанія и въ такомъ тонѣ, какъ Лысевичъ? — На первыхъ порахъ я, на вашемъ мѣстѣ, завелъ бы себѣ семерыхъ мужчинъ, по числу дней въ недѣлѣ, и одного назвалъ бы понедѣльникомъ, другого — вторникомъ, третьяго — средой и т. д., чтобы каждый зналъ свой день "...

Да вѣдь это — расовое шутовство, то самое, которое въ старинныя времена наряжали въ колпакъ съ побрякушками, и били нещадно, если шутъ ужъ слишкомъ провирался или нагонялъ скуку. Но теперь общество стало культурнѣе, — позволяетъ шутамъ ходить во фракахъ, сидѣть за общимъ столомъ, — и даже платить имъ за это деньги. Нынѣшніе шуты, какъ и ихъ предшественники, эксплуатируютъ чужую глупость и трусость, жирѣютъ — и, пользуясь тѣмъ, что съ ними обращаются, какъ съ людьми, — становятся все смѣлѣй.

Лысевичъ не только ~~назначаетъ~~, онъ — изрекаетъ суръ, налагаетъ руку на вещи, совершенно не подлежащія вѣдѣнію паяца: — литературу, искусство... И его слушаютъ. Всероссійское попустительство безгранично, мягка и покладиста русская натура, эта истая Анна Акимовна en grand, — и поэтому столько паразитовъ и проходимцевъ гнѣздится среди русскаго общества, столько пошляковъ и ничтожностей отравляютъ общественную атмосферу. Какъ часто терпимость становится преступленіемъ, если она результатъ лѣни, равнодушія или легкомысленной потѣхи!...

Невольно припоминается тургеневскій рассказъ. Дѣйствующія лица — отставной „поручикъ Хлопаковъ“ и русское „благородное“ общество.

Хлопаковъ — пріятель богатыхъ господъ, съ ними кутить, пьеть, въ карты играетъ и говоритъ имъ „ты“. Авторъ отказывается объяснить, какими талантами поручикъ стяжалъ такое благополучіе. „Особенность поручика Хлопакова состоитъ въ томъ, что онъ въ продолженіе года, иногда двухъ, употребляетъ постоянно одно и то же выраженіе, кстати и не кстати, выраженіе нисколько не забавное, но которое, Богъ знаетъ почему, всѣхъ смѣшитъ. Лѣтъ восемь тому назадъ, онъ на каждомъ шагу говорилъ: „мое вамъ почитаніе, покорнѣйше благодарствую“, и тогдашніе его покровители всякій разъ помирали со смѣху и заставляли его повторять „мое почитаніе“, потомъ онъ сталъ употреблять довольно сложное выраженіе: „нѣтъ, ужъ это вы того, кэскэсэ, — это вышло выходить“, и съ тѣмъ же блистательнымъ успѣхомъ; года два спустя придумалъ новую прибаутку: „не вѣ горяче па, человекъ Божій, обшить бараньей кожей“ и т. д. И что же! эти, какъ видите вовсе не затѣйливыя словечки, его кормятъ, поятъ и одѣваютъ. Успѣхъ его совершенно для меня загадка... Одно развѣ: остороженъ онъ, сору изъ избы не выносить, ни о комъ дурного словечка не скажетъ“. Развѣ это не прототипъ современныхъ Лысевичей? Измѣнился только шутовской репертуаръ, манеры, а сущность все та же. Хлопаковъ потѣшаетъ шалуна и мота „князька“, а по нынѣшнимъ временамъ рогъ всяческаго изобилія перешелъ въ распоряженіе другихъ сферъ, — и Лысевичь состоитъ юрисконсультъ и придворнымъ Балакиревымъ у Анны Акимовны, дочери простого рабочаго, а теперь миллионерши и благотворительницы. Князьки были неприхотливы: для нихъ достаточно было — *rrrrракаліооона*, и ужъ они покатывались со смѣху. Теперь не то: современный Хлопаковъ долженъ знать литературу и умѣть рассказать ее интереснѣе, чѣмъ написано въ книжкахъ, а вмѣсто *rrrrракаліооона* — пускать въ родѣ *Мопассана*: „Мопассанъ!... Удивительный художникъ! Страшный, чудовищный, сверхъестественный художникъ!“...

И Анна Акимовна платитъ уже не виномъ и трактирной закуской, нѣтъ: „Представленіе“, думаетъ она, „стоитъ, по

154 крайней мѣрѣ, втрое больше двѣнадцати тысячъ"... И новый Хлопакъ, совершенно такъ же, какъ и его предокъ, послѣ выхода, беретъ призъ — не рюмку водки, а пачку ассигнацій. Это — артистъ высшей школы.

Что сказать о самой Аннѣ Акимовнѣ? Когда-то Пушкинъ, выслушавъ первыя главы *Мертвыхъ Душъ*, воскликнулъ: „Боже, какъ грустна наша Россія!“... Вотъ это восклицаніе невольно срывается у насъ, когда мы читаемъ рассказъ о томъ, какъ образованная, богатая, свободная дѣвица проводитъ свой праздничный день. Всѣ данныя здѣсь, чтобы жить по-человѣчески и давать жить другимъ: нельзя отказать нашей героинѣ и въ добромъ сердцѣ и доброй волѣ. Она умна, отнюдь не глупѣе импонирующаго ей Лысевича, и все-таки предъ нами одна изъ исторій нашего прозябанія тунеядца, живущаго на готовыхъ хлѣбахъ. „Юрисконсульта“ Нордау обозвалъ бы вырожденцемъ и здѣсь, можетъ быть, не потребовалось бы особенныхъ доказательствъ. Но вѣдь и Анна Акимовна — своеобразный типъ вырожденія. Да, хотя у нея нѣтъ специфическихъ представленій о развратѣ и она не обожаетъ Le comte Delisle'я. Отецъ и дядя Анны Акимовны не отличались, конечно, рыцарскими доблестями: дочь въ общемъ благороднѣе ихъ, уже потому, что ей не приходится среди борьбы „сколачивать копейку“, а остается преспокойно получать проценты съ наслѣдства. Но прежнее поколѣніе — люди безусловно энергичные, сильные, отлично вооруженные для дѣйствительной жизни, съ твердыми опредѣленными взглядами и изумительною нравственною выносливостью. Шутство декадентовъ не нашло бы среди нихъ ни малѣйшаго примѣненія, — и не даромъ Лысевичъ, при всей своей угодливости, роняетъ ироническую фразу насчетъ „душевныхъ качествъ“ родичей Анны Акимовны. Чувствуетъ паразитъ, что ему не удалось бы присосаться къ трудовой жизни и упругимъ организмамъ извѣстнаго сорта людей.

Но дочь — другое дѣло. Она свободна отъ необходимости думать и заботиться. Ея фабрики наводятъ на нее какой-то паническій страхъ. Изнываетъ, калѣчится и умираетъ тамъ какая-то особая раса двуногихъ — грязная, грубая, по временамъ пьяная и буйная. Аннѣ Акимовнѣ смутно извѣстно, что скверно живетъ этой расѣ, и между хозяйкой и рабочими стоитъ величайшій мошенникъ Назарычъ, плутующій за одно

съ Лысевичемъ. Но у Анны Акимовны нѣтъ силъ сдѣлать какой-либо выводъ изъ своихъ свѣдѣній. Она предоставляетъ итти вопіющему злу своей дорогой... И вся жизнь ея переполнена конфузомъ. Предъ кѣмъ только Анна Акимовна не смущается: предъ рабочимъ, чиновникомъ-пропойцей, предъ Лысевичемъ, предъ генераломъ съ какою-то странною профессіей, даже предъ своей приживалкой. Какой жалкій потомокъ энергичнаго и сильнаго поколѣнія! Будто дешево достаются милліоны, какъ и развратъ, обладаютъ чудодѣйственной силой — опошлять людей.

Авторъ взялъ только одинъ день изъ жизни своей героини, и что это за удручающая, безиросвѣтная жизнь! Будни, вѣроятно, еще сѣрѣе и мельче.

Посмотрите, сколько чувственности упитанной, выхоленной, сдерживаемой, только изъ трусости, — рвется наружу на каждомъ шагу у этой „дѣвицы въ соку!“... Рабочій Пименовъ — съ страшной силой въ плечахъ, съ кудрявой головой, отчего бы не выйти за него замужъ? Это впечатлѣніе кануна праздника и утра. За обѣдомъ — приправа изъ декадентскихъ пошлостей Лысевича, оставившая въ дѣвицѣ вкусъ чего-то наркотическаго, возбуждающаго. Она по уходѣ гостей бѣгаетъ, шалитъ, стучитъ ногами, „какъ мальчишка“. Вечеромъ — Лысевича смѣняетъ богомолка и ведетъ ту же проповѣдь о необходимости разврата въ жизни милліонницы: только рѣчь богомолки еще грубѣе и, конечно, для слуха купчихи еще раздражительнѣе. Теперь курчавый богатырь неотразимо овладѣваетъ разгоряченной фантазіей дѣвицы и она кричитъ:

— Хорошо. Сватай за Пименова... Сватай! — Честное слово, пойду. — И щеки Анны Акимовны горять. Она убѣгается — мечтать о Пименовѣ и шепчетъ въ порывѣ забродившей вдругъ чувственности: „Пименовъ, снимите съ меня эту тяжесть!“...

Сколько разврата въ этихъ немногихъ минутахъ!... Правъ былъ Гюго, когда сравнивалъ трагическое существованіе падшихъ и отвергнутыхъ обществомъ женщинъ съ разгуломъ животныхъ инстинктовъ свѣтскихъ барынь и находилъ, что на улицѣ часто встрѣчается больше человѣческаго чувства и даже нравственной чистоты, чѣмъ въ каретахъ, забрызгивающихъ грязью несчастное созданіе...

Но у Анны Акимовны и здѣсь не хватаетъ смѣлости и свободы. Является лакей и нахально подвергаетъ критикѣ ея намѣреніе выйти замужъ за Лысевича. Онъ въ двухъ словахъ далъ ей понять, какой диссонансъ окажется за ея столомъ, если посадить рядомъ „Виктора Николаевича“, т.-е. Лысевича и Пименова. И бѣдная дѣвица приходитъ въ ужасъ, хотя она отлично знаетъ, какъ подлѣ лакей и какъ низменны его воззрѣнія на жизнь и людей. Какъ можно! Привилегированный шутъ и суесловъ рядомъ съ простымъ труженикомъ, правда умнымъ и красивымъ, но не читавшимъ, по всей вѣроятности, „Мопассана“, и не таскающимъ съ собой двухъ записныхъ книжекъ съ декадентскими изреченіями.

Бѣдная жертва конфуза не можетъ не чувствовать, что мечты насчетъ Пименова во всякомъ случаѣ нравственнѣе, чѣмъ бесѣды съ Лысевичемъ, и самъ Пименовъ честнѣе и благороднѣе „юрисконсульта“. И какой-то голосъ шепчетъ ей, что Лысевичъ все-таки ближе, чѣмъ Пименовъ и всѣ рабочіе, взятые вмѣстѣ. И она идетъ въ постель, все такая же ничтожная, тайно-развратная, трусливая, какой и встала... Развѣ это не страница изъ современной патологіи! Впрочемъ гдѣ, Лысевичи — герои и судьи, тамъ каждый атомъ воздуха долженъ быть зараженъ. И такъ живутъ люди изо-дня въ день, въ то время, когда предъ ними лежитъ безграничное поприще гуманной и разумной дѣятельности. Но нѣтъ силъ, и горячая молодая кровь уже въ годы расцвѣта переполнена сѣменами растлѣнія!> *Ив. Ивановъ.*